

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Суббота, 20 февраля 1988 г. № 22 (6434)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 10 коп.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

18 февраля 1988 года на Пленуме ЦК КПСС продолжалось обсуждение доклада члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС Е. К. Лигачева «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению».

В прениях выступили: тт. Г. И. Марчук — президент Академии наук СССР, В. И. Зоркальцев — первый секретарь Томского обкома КПСС, А. Д. Лизичев — начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, Е. М. Чехарин — заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, К. С. Демирчян — первый секретарь ЦК Компартии Армении, С. А. Шалаев — председатель ВЦСПС, З. И. Боровикова — первый секретарь Курганинского райкома

КПСС Краснодарского края, А. П. Думачев — председатель Государственного комитета СССР по профессиональнотехническому образованию.

С большой речью на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Речь публикуется в печати.

Пленум принял по обсуждавшемуся вопросу развернутое постановление, которое будет опубликовано в печати.

Пленум принял по выступлению т. Горбачева М. С. постановление, которое будет опубликовано в печати.

На Пленуме рассмотрены организационные вопросы.

Пленум избрал т. Маслюкова Ю. Д. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал секретаря ЦК КПСС т. Разумовского Г. П. кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум избрал секретарем ЦК КПСС т. Бакланова О. Д.

Пленум избрал т. Ельцина Б. Н. от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС.

Пленум перевел из кандидатов в члены ЦК КПСС тт. Болдина В. И. — заведующего Общим отделом ЦК КПСС, Геллерта Н. В. — механизатора совхоза имени Амангельды, Казахская ССР, Мироненко В. И. — первого секретаря ЦК ВЛКСМ.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ — ИДЕОЛОГИЮ ОБНОВЛЕНИЯ

РЕЧЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС М. С. ГОРБАЧЕВА

на Пленуме ЦК КПСС 18 февраля 1988 года

Товарищи!

Наш Пленум проходит в отдельный период перестройки. Демократизация общественной жизни, радикальная экономическая реформа требуют от партии четкой перспективной действий. Именно этим руководствуется Политбюро, вырабатывая концепцию XIX партийной конференции. Она должна определить многое в стратегической работе партии.

Но с каких бы позиций мы ни подходили и определяли путь развития нашей экономики, культуры, социальной и духовной жизни, решавшим фактором всегда будет сам человек, его политический и интеллектуальный облик, его мастерство, его патриотизм и интернационализм, его способность к творчеству, его гражданская позиция и активность.

Нет никакого сомнения: все, что касается школы, образования и воспитания, национально связано с развитием социализма, с перестройкой. Более того, представляет собой важнейшее ее направление. Напомню, что уже в первые труднейшие послереволюционные годы В. И. Ленин считал строительство новой советской школы одним из самых ярких дел партии. И это понятно, ибо школы, от обучения и воспитания нового человека зависело — без какого преувеличения — будущее социализма.

Так стоит вопрос и сегодня:

когда наша общество осуществляет революционный переход в качественно новому состоянию. Оно нуждается в гражданском образованном, гражданином, преданным социализму, а вместе с тем — активном, инициативном, умеющем работать в условиях демократии, хозяйственной самостоятельности колlettivov, в областях воспроизводства, а также в социальной и социальной ответственности за себя и страну.

О роли школы всех уровней в подготовке такого человека сказано в докладе товарища Лигачева Е. К., выступавшего в других товарищах, — повторять не буду.

Но если мы такие высокие требования предъявляем и школе, то какая значительная, авторитетная фигура должна быть учителем! Каким общирным запасом знаний, каким педагогическим даром и мастерством должен он обладать. Здесь, товарищи, — «основное звено» перестройки всей системы образования.

Конечно, нужны — и как можно быстрее — и новая организация образования, и новые программы, и материально-техническое обеспечение обучения, оснащение его компьютерами, свои знания и способности для развития и укрепления базы образования, сердце нашим детям, без Учи-

теля с большой буквы все это может остаться лишь формальными и дорогостоящими нововведениями, не дойти до живого дела.

Учителю — важнейшее действующее лицо перестройки. Поддержит он нас в борьбе, и если поддержит формально, останется равнодушным, нейтральным? Кто возьмется предсказать, каким социальным застремлением может обернуться такое равнодушие?

Конечно, всегда есть надежда на саму жизнь: сегодня она говорит языком перестройки — честным, откровенным языком правды, и это, наверное, есть лучшая социальная педагогика. И «эти-таки» — и это естественно — надежды на будущее в значительной мере мы связываем с работой нашей школы, с ее собственной перестройкой, с педагогическим талантом и творческим воинством советского учителя.

Но, думаю, было бы неправильно сейчас, на Пленуме, определять все конкретные пути, по которым пойдет обновление системы образования. Это — дело непростое.

Здесь свое разрешение слово должны сказать широкая общественность и прежде всего — специалисты: учителя, преподаватели, ученые. Пусть решения нашего Пленума станут политической рекомендацией партии учителям, которые готовятся к своему очередному съезду. Пусть об этом подумают и работники высшего и среднего специального образования. Несомненно, что именно такой подход будет в духе демократизации, в духе перестройки.

Товарищи! В своем выступлении я хотел бы остановиться на некоторых принципиальных идеологических аспектах перестройки. А именно: на идеологическом преодолении совершившихся нами дел, ибо никто не проходит мимо сознания человека, никто не делается без него.

Хотел бы также использовать эту возможность, чтобы в предварительном порядке поставить некоторые вопросы, которые надо продумать, обсудить в предверии XIX Всесоюзной партконференции.

Сейчас, когда мы вступили в решающий этап борьбы за выполнение в жизни принятых решений, когда политика становится практикой, когда перестройка вышла на широкий простор, она все глубже затрагивает жизненные интересы десятков миллионов людей, все общество. И вновь стали актуальными вопросы, на которые, как казалось, уже даны ответы. Люди хотят лучше уяснить смысл начавшихся в обществе перемен, в чем суть и предназначение перестройки, к чему

мы идем, на какие рубежи стремимся выйти, что понимаем под тем новым качеством общества, которое хотим достичь.

Такое желание вполне естественно, мы начали перестройку форм общественной жизни, осваивая новое, отказываясь от сложившихся стереотипов. Перемены затрагивают сознание в психологии людей, их интересы, положение в обществе, в трудаховых коллективах. Что где-то таится — даже многие хорошие люди в прошлом как бы скрывались с нарушениями и недостатками, стали равнодушны к ним, снизили свою социальную активность. Многие не сразу поняли смысл преобразований, не сразу увидели, что перестройка открывает новые цели в жизни, поднимает их самих, что она полностью соответствует их материальным и духовным интересам. Перестройка предполагает особый сдвиг в том, что жил не по труду, не по совести, кто работал плохо. Я уже не говорю о явных нарушителях законов и нравственных социалистического общества, игнорируя логику перестройки.

Откуда это идет? В чем причина подобных опасений? Дело, думается, в том, что мы не можем понимать, что такое перестройка. Одни видят в ней косметический ремонт, подрачививание фасада, своего рода «подделку», существующего механизма, который худо-бедно, но работает, и от него еще не известно, что выйдет. Другие требуют демонтировать до основания саму систему социализма, объясняют путем начавшихся преобразований, не сразу поняв смысл, что перестройка открывает новые цели в жизни, поднимает их самих, что она полностью соответствует их материальным и духовным интересам. Перестройка предполагает особый сдвиг в том, что жил не по труду, не по совести, кто работал плохо. Я уже не говорю о явных нарушителях законов и нравственных социалистического общества, игнорируя логику перестройки.

Однако утверждилось, что перестройка — сверх направления наших практических действий с главными машинами, по которым вот уже большую часть времени ориентируются коммунисты. Мы не просто повторяли затверженные истиниши ради немого ритуала, а искали самим ответ на многие вопросы, рожденные сложившейся ситуацией.

Вот почему, товарищи, такое большое значение приобретают проблемы идеологической деятельности, вопросы теории социализма и перестройки. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, в материалах Пленума ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

В документах, связанных с 70-летием Октября, мы стремились дать объективную, взвешенную оценку путей, предложенных советским народом, ответить на многие сложные вопросы, волнующие советских людей. Но сейчас — и это надо подчеркнуть — настоятельно ощущается потребность подойти к этим вопросам с учетом новых требований, поработать над ними основательно.

Именно партия во вскоре после научного знания о прошлом и настоящем, о тенденциях, имеющих реальную перспективу развития, обязана волгоградскими трудами, открытыми в процессе формирования в обществе социалистического сознания. Именно партия может и должна теоретически осветить новый этап социалистического строительства с учетом всей новизны, которую вносит в него перестройка. Отобрать и поставить на вооружение всего общества то, что действительно служит социализму, отвечает интересам народа. Мы знаем, какие усилия придется приложить для этого партии. Свидетельство тому — дискуссия тех лет. Потребовалось авторитет в гениев Ленина, чтобы новый подход и социализму, стоявшему на социалистическом плюрализме мнений. И это тоже неизменно и опровергается неоднозначно, требует изучения, анализа, прояснения. Но за всем этим мы должны видеть главное — нарастающую поддержку политики перестройки со стороны народа.

Мы говорим, что поддерживаем и будем поддерживать то, что идет на пользу социализму, отвергаем будущее отвергать все, что во вред интересам народа. Мы видим — кое у кого возникает сумятица в умах: не ведомо, каким образом, когда социализм, особенно, когда автономия, становится ее более обобщенным, хотя это и неизвестно.

И необходимости перестройки нас привело, конечно, прежде всего стремление разрешить самые неотложные проблемы, вызванные застоеем предшествующего периода. Но чем шире разворачивается перестройка, тем понятнее становится ее более общий смысл и судьбоносное значение для социализма.

Идеи ленинизма, марксизма-ленинизма, пакистанской социалистической партии, а также идей других социалистических партий, в том числе идей социал-демократии, неизбежно должны быть включены в нашу политику.

Сегодня утверждилось, что перестройка — это объективно необходимый этап развития советского общества, суть которого — переход его к новому качественному состоянию. Мы должны обеспечить радикальные изменения в производственных силах и производственных отношениях, реформационное обновление общественных и политических структур, рост духовного, интеллектуального потенциала общества. Мы стремимся в современных условиях возвратить ленинский облик нового строя, очистить его от наследия и деформаций, отвращающихся, ничего не скрывающей, не боившейся никакой правды. Только такой анализ работает на социализм. Нет и не может быть никаких ограничений для подлинно научного поиска. Вопросы теории не могут быть никакими ограничениями для выработки нового качества социализма, а значит — для выработки нового качества общества.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Программы ЦК, где других партийных документов. Сама постановка задач перестройки в экономике, в политической, социальной и духовной сферах общества была бы невозможна без опоры на теорию, без идеологического обоснования.

Социализм — это всегда объективный, глубоко научный анализ живой развивающейся силы действительности. Анализ критический, ни от чего не отступает. Нельзя сказать, что идеино-теоретические вопросы оставались вне нашего внимания. Они широки, открыты в Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, в новой редакции Пр

Речь М. С. ГОРБАЧЕВА

(Окончание. Начало на 1—3 стр.).

коммунист, какой бы пост он ни занимал. Без этого процесс демократизации не пойдет.

Партия начала перестройку с себя, со своих надежд. После январского Пленума ЦК КПСС в кадровой работе партии сделано немало. Главный критерий, которым мы руководствовались, — отношение к перестройке. Только что завершились прошедшие во всех парторганизациях отчеты выборных органов о ру-

ководстве перестройкой. Отчеты показали, что коммунисты в своей массе не хотят мириться с бездеятельностью, безответственностью, инертностью, равнодушным отношением к перестройке, не теряют фразеров и болтунов. В ходе собраний признания не довлеющей работы партии более 4800 парткомов и партбюро, заменено свыше 89 тысяч членов выборных организаций. Это — закономерный результат создания в партии обстановки более высокой требовательности к кадрам за дело перестройки.

Это — беззабытое развитие критики и самокритики.

Это — постоянное стремление быть в гуще масс, в гуще самых ярких жизненных проблем.

Это — акумулирование настроений, потребностей и на-

сущих интересов трудящихся, всех слоев общества.

Это, наконец, — повседневное утверждение ленинского, львового стиля работы, главная черта которого — опора на массы.

И, конечно же, демократизация должна пронизывать всю внутрипартийную жизнь — через повышение роли выборных органов, через решительное усиление боевитости первичных партийных организаций.

Мы обязаны помнить, что руководящая роль нашей партии не дана нам-то свыше на-

вечные времена, а завоевана несклонными поколениями коммунистов, их беззаветной борьбой за социализм, за интересы людей труда. И мы — ежедневно и ежесекундно — упорной работой во имя народа, во имя родной страны — подтверждаем подтверждаем свое право — быть в авангарде революционного обновления общества.

Занявшая, хотел бы отметить, товарищи, что почти за три года сделано уже немало, если сравнить нашу насыщенную жизнью с тем, что было до начала перестройки. Но сделано еще очень мало, если сравнивать с тем, что мы ждем от перестройки на что способно наше общество. На пути к качественному новому состоянию советского общества предстоит решить много трудных проблем.

Мы идем на встречу XIX Всесоюзной партконференции. Нам предстоит основательно проанализировать принципиальные итоги трех лет жизни и работы в условиях перестройки и особенно новых месяцев действия Закона о предприятиях. Определить, на какие рубежи вы-

шли и выходят наша партия и общество, развернув начавшиеся демократизацию, начав радикальную экономическую реформу. Принять конкретные решения о совершенствовании нашей политической системы и роли партии как политического авангарда на новом этапе развития страны. Тем самым будет дан новый мощный импульс нашей революционной перестройке.

Итак, впереди — большая напряженная работа. Громадный объем новаторских идей и предложений, возникших

в партии и обществе в последние времена. Велик и постоянно растет массы многочисленных конкретных вопросов.

Как их решить? Над этим нам надо работать сообща, продвигаясь шаг за шагом по намеченному пути. Искать творчески, смело и вместе с тем по-деловому, ответственно. Словом, по-ленински, по-большевистски.

(Речь была выслушана с большим вниманием и сопровождалась продолжительными аплодисментами).

УКАЗ Президиума Верховного Совета СССР О награждении тов. Свостюка О. М. орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советского изобразительного искусства наградить председателя правления Московской организации Союза художников РСФСР тов. Свостюка Олега Михайловича орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
А. ГРОМЫКО.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНГЕШВИЛИ.
Москва, Кремль.
18 февраля 1988 г.

В СОВЕТСКОМ ФОНДЕ КУЛЬТУРЫ

Правление Советского фонда культуры информирует общественность о поступивших в 1987 году денежных средствах и их использовании.

На 1 января 1988 года на счет СФК № 702 поступило 15.122 тысячи рублей, из них 11.562 тысячи рублей от организаций — учредителей фонда, а 3.145 тысяч рублей составляют добровольные пожертвования граждан.

Самая крупная сумма целиевых взносов именем на сооружение скulptурной композиции, посвященной Василию Теркину, — 241 тысяча рублей. Перечисляются средства на памятник маршалу К. Жукову, на создание государственного заповедника в Вязьме — Залесье, где прошли детские годы А. С. Пушкина, на музей В. Высоцкого. Проведены благотворительные вечеरы, средства от которых будут направлены на создание выставочно-концертного зала в бывшей царской Большой Вознесенки в Никитских воротах в Москве.

За прошлый год из средств, поступивших в качестве добровольных пожертвований, израсходовано 60 тысяч рублей; 20 тысяч — на памятнико — последний ураган в Пушкиногорье, 10 тысяч — на создание музея истории Иркутского комитета РСДРП, 15 тысяч переданы Музею В. И. Ленина в Ульяновске на приобретение редких книг, признанных изданьями В. И. Ленина, 15 тысяч — на восстановительные работы в доме Ф. И. Шалапина в Москве.

Дары фонду от советских и иностранных граждан, ориентировано — оценены специалистами в 3 млн. рублей.

На счету СФК во Внешэкономбанке — 125 тысячи иностранных рублей. Кроме того, в Софийском банке находится 100 тысяч болгарских левов, подаренных фонду «13 веков Болгарии». Расходование затраченных дарственных средств не производится.

На зарубежную плату работников фонда в 1987 году затрачено 331 тысяча рублей. Доходы от производственной деятельности подразделений Советского фонда культуры составили 415 тысяч рублей. Но содержание аппарата и хозяйственных нужд не истрочено и не предусматривается расходование ни одного рубля из средств, поступивших в качестве добровольных взносов.

«Непобедимая и легендарная»

Подлинные памятники времени гражданской и Великой Отечественной войн могут тянуть жители Бангкока и Чехословакии, Монголии и ГДР, Польши и Латвийской Народно-Демократической Республики. Именно по этим адресам отправлены на Центральный музей Революции СССР передвижные выставки, посвященные 70-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота.

В экспозицию, получившую общее название «непобедимая и легендарная», вошли памятники из фондов музея, рассказывающие об образовании, становлении, боевом пути и содружестве двух Советских Вооруженных Сил.

(ТАСС).

ВЫСТАВКИ

ЛИК ВРЕМЕНИ

Выставка Льва Кербеля установлена в залах Академии художеств на Кропоткинской улице в Москве, в аобажение раздвигает ее стены чуть ли не на всю планету — от московских памятников Маркус и Ленину и до Гавана, Берлина, Софии, Коломбо, где стоит творение этого мастера. Воображение раздвигает стены, и входит в эти стены памятники и монументы в Калуге и Смоленске, в Казани и Уфе, в Архангельске и Ярославле. Так же он, Лев Кербелль, — монументалист! Портретист!

Выставка выстраивает обширнейшую галерею его портретов,

лучшее, что мне дано, претворяется в бронзу, в гранит.

Б. САВЕЛОВ.

Работы Л. Кербеля, представленные на выставке.

• Дядька Герой Советского Союза В. С. Петров.

• Герой Социалистического Труда председатель колхоза К. П. Мухтарова.

• Летчик-космонавт СССР Юрий Гагарин.

• Народный артист СССР Д. Ф. Общиков.

НА КРУГЕ ЖИЗНИ

ЗЕМНОЙ РАЙ

Будто что-то главное в жизни свершилось — побывал в Раю. Земном Раю! Да к тому же запросто беседовал с одним из его создателей — Филиппом. Это его так кликнут в одиннадцати райских дворах, а для нас с вами он — Филипп Власович Дубинин.

Дело было осенью; Дед Филипп косил. Познакомился...

— Нес косу. Работает, ю можно, в таскать — в тяготе которой стала становиться... Не печенки сядем и будем беседовать — это дело я засвегда люблю... Иша, из-за названия привезли А и тебе весь смысл передам...

Как удобнее: с начала жизни начини или с самого глаза-года? Тогда так: и солдат 144-го полка, известного в историю. Гроб с телом Ленина из Горок перевозил, двое суток в охране стоял, когда народ с Ильином прощался. Не ми гражданская война закончилась. Ведь это я на Черном море в двадцатом Деникин добывал. Вот лучших ребят, красных да сильных, грабых да отважных, отобрали для службы в Москве, в самом Кремле, при самом правительстве. Там-то я всю политику и познал — с ними выдающиеся учёные, революционеры обиблились, в политизме какие грамотные люди проводили! К примеру, расскажу тебе про такое явление, как троцкизм...

Начинай подробно рассказывать...

— Филипп Власович, какое пропустим — и это хорошо знаю...

— Откуда? Из книжек! Тут ты брось козырь. Мой винт Мишка тоже по книжкам учился, а я как начну проверять — все не так... Ну если ты твой грамотный — расскажай!

— Ох, мать честная! Глядя на первый склад, как на земли под ногами...

— Да, каверзное, сейчас даже просто в седле не удержусь, не то что вы в мои годы когда-то... Ушилито на фронте как раз в том возрасте, сколько мне сейчас...

— Глядя на склады, как на мастих тут... Илья Земном Раю дорогу налья провести! Я-то нынешнюю пошлину на хуторе всем разъясняю — меня за это и уважают... Тут-то меня знают, а вот...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

— Да Москву на неё дохватят можно?

— Конечно.

— Слушай, ровесник ты мой, ровесник, сажай меня — и в Москву!

— Ох, Филипп, рассыпешь...

— Может, я расскажу, да дело сделаю. А ты, корреспондент, заметку напиши...

КИНОСОЮЗ ОБСУЖДАЕТ, РАЗМЫШЛЯЕТ, СПОРТИТ

Когда «голосуют» ногами

Заметки с пленума правления

Союза кинематографистов Украины

Такое бывает на малонестранных просмотрках: если ленты оказывается скучной — зал пустеет прямо на глазах. Но на пленуме, обсуждающем первые итоги, проблемы и перспективы перестройки в украинской кинематографии, такое впечатление его участников показалось странным.

Примечательно здесь многое, как известовало из доклада первого секретаря правления СК УССР М. Беликова. Главные среди них: медленное обновление художественного мышления, групповые пристрастия, субъективность оценок, амбициозность. Это тормозит развитие перестройки во всем звене украинского национального кинокультуры.

За последние полтора-два года, отметил докладчик, мы многое поняли и многое пережили: и подъем, и надежды, и разочарования. Старые стены оказались крепче, чем думали.

У всех в памяти годы, когда искусство, вышедшее из предшествующего ему берегов, усыпало для него небо, как усыпало, благо. Увы, и в наши времена далеко не все обстоит благополучно. Иначе чем объяснить, что фильм В. Осадчика «Так и живем» был принят на «большой экран» после вымощивания Союза кинематографистов ССР, что документальная лента «Уроки правды» не транслируется в течение целого года?

Участники пленума не снимали и с себя вины за то, что немалая часть продукции студий ССР до сих пор отличается узостью тематики, беспомощностью, в подчас низким уровнем профессионализма. Этими, в сокращении, грешат и выпущенные в 1987 году картины

на многих других киностудиях страны.

Лад звоя, казалось бы, тронулся. Но... И по сей день вся административно-производственная структура Студии имени А. Довженко с чрезвычайно раздутыми штатами осталась неизменной.

Сейчас студии могут довольно легко утверждать свою самостоятельность в выборе базы, мест настурных съемок, расходовании выделяемых средств, то об этом пока не может быть и речи. Некоторые скептики говорят, что на студии переход к зорьбачству целеоскорректирован не в 1989-м, а только в 1990 году. Опасное заблуждение: и потому переходу на хорватский надо готовиться заранее. Это особо подчеркнул новый директор студии Н. Машенко.

Много споров и предложений вызвали наболевшие вопросы индивидуализации.

— Уже тридцать лет, — сказал секретарь правления СК УССР Е. Оноприенко, — слышу разговоры о необходимости спасать киевскую студию художественных фильмов, широко привлекая и сотрудничество членов Союза писателей республики. А воз и ныне там! Давно пора от благих помыслов перейти далее, параллельно совершенствуя организацию сценарного процесса, решительно борясь с так называемым «киевским» сценарием: синонимом самообеспечения, пышно распаковывающимся вновь созданными студиями.

В последнее время, сказал киевский режиссер О. Фиалко, проявилась опасная тенденция: мы обязаны снимать фильмы только по украинским производственным, с украинскими актерами, на украинском языке.

Мнение о том, что национальные особенности и ценности выразятся лишь отдельно от других культур, неверно.

Перестройка на Студии имени А. Довженко, например, началась бурно. В Одессе еще недавно приходилось, что делать, а в Киеве «довженковцы» уже создали игровые студии (объединения) с производственно-организационной базой, обеспечившей ими съемки в «Окнах».

На всех четырех студиях распакованы в соответствии с разработанными программами созданы творческие объединения, однако дальше этого дело не пошло.

Здесь хотелось бы и заключить, но реальность внедрила: как только прозвучали слова проекта, из популаторного зала снова возникли ипотеги: «А ведь ради этого важного для нашего союза документа мы и собрались!» — проговорил в микрофон представительствующий. Но, к сожалению, не было услышано.

О. ГУСЕВ.
(Наш соб. корр.).
КИЕВ.

ДЕЖУРНЫЙ У АФИШИ Валерий Кичин

ФИЛЬМЫ-НЕВИДИМКИ

В прошлом году в нашем пронате было 8 болгарских, 10 чехословакских картин, по 9 из ГДР и Венгрии, по 5 из Югославии и Румынии. Среди них такие знаменитые, как «Борис I» и «Характеристика» (Болгария), «Красная графина» (Венгрия), «Кенгура в шляпе» (Польша), «Скалолаз», «Пожалуйста» (Чехословакия).

Скажите, вы их видели?

Ну, может быть, видели хотя бы афиши с таким вот запоминающимся называнием: «Погладь кошку за ушами? Или «Гусиный бунт в Ботцлове?»

Если кто-нибудь может на эти вопросы ответить «да», откажитесь. Это будет для нас приятной неожиданностью. Ибо даже профсоюзные кинокритики, просмотрев списки как бы вышедших на наш экран фильмов социалистических стран, каждый раз оказываются в мире незнакомых названий. Странная ситуация: вылезают за рубеж закупочные комиссии, ведется титаническая работа по дублированию кинокартин, и в конце концов торжественно громят в отчетах цифры неуклонно растущего

культурного обмена.

Но фильмов остается невидимками.

Им дается микроскопические тиражи. А те кинодрамы, что все-таки поступают в прокатные кинотеатры, чаще всего освещаются на полках. Считается, что публика все равно не пойдет. И впрямь, кто ж пойдет, если нет ни афиши, ни простой информации, если безмолвствует пресса, если имена даже крупнейших мастеров практически не появляются в массовых газетах и потому не известны публике?

Репутация братских кинематографий немало вредила, конечно, и самим фильмам, отбираемым на конкурс. В закупке пока царствует формализм: нужно покупать даже если год выдался неудачным и купишь ничего. В потоке растворяются, проходят незамеченными произведения крупных мастеров. И ни критика, ни прокат не считают своим долгом создать вокруг их появление ореол событий.

Так что, если быть вполне честным, и сегодня дежурный не у реальной афиши, а скорее возле «голочки», у цифр.

С точки зрения цифры, февраль — март благополучны: представлены многие страны, изобилие названий. Но вот увидят ли зрители, скажем, картину чехословакского режиссера Душана Ганника «Лихая радость», получившую сразу три приза на фестивале авторского кино в Сан-Ремо? Узнают ли они что-нибудь о большом международном успехе исполнительницы главной роли актрисы Магды Вашариновой? Тонкий психологический фильм о драме женщины-медсестры — еще одна версия сюжета о поисках счастья и полноты жизни — сделан в очень личной, интимной даже интонации. И от этого разговор становится предельно доверительным, прорубляется узкий интерес к судьбе герояни, но — что важно — раздумья о собственной позиции, собственной способности и нравственном маниакализму. Именно в таких случаях искусство не просто развлекает нас, но и ведет в нас свою неземную созидающую работу. Нам помогает. И тут же неважно становится, где проявились герои — в СССР, Чехословакии или, например, Венгрии.

Но в Венгрии, стране традиционно сильного проблемного кинематографа, на сей раз — в который уж раз — выбран для нашего зрителя фильм «Огурецкий сладкий». Конечно, «Лихая радость» — гордость чешской кинематографии.

Считается, что публика все равно не пойдет. И впрямь, кто ж пойдет, если нет ни афиши, ни простой информации, если безмолвствует пресса, если имена даже крупнейших мастеров практически не появляются в массовых газетах и потому не известны публике?

Если кто-нибудь может на эти вопросы ответить «да», откажитесь. Это будет для нас приятной неожиданностью. Ибо даже профсоюзные кинокритики, отбираемые на конкурсах, всегда велики и целиелены для души, успех таким картинам вроде был обеспечен. Но удачи наподобие «Лесной были» А. Этуриди всегда плод терпеливого киноизделия. Здесь же банальнейшие съемки «оживлены» выдуманной историей об охотнике: он, покинувший лес, не жениться, пока не убьет разбойника выдуру. Полное отсутствие сценария, тусклая игра актеров... как говорится, обязаны знакомством? Кто это покупает? И что смотреть должен? Ностальгически вспоминаешь картину Этуриди, книжку Сетон-Томпсона — ведь там же любовь была к животным, она эти «звериные» произведения очевидческая и одухотворяла. «Лихая» сделана рукой разводной, и убьет тот охотник выдуру или нет — нам обещано безразлично. Илья только беззабытое убито для высоких художественных целей кошки. Впрочем, может, в этом фильме и кошка была чучелом?

Огромный черный киностудилен — везет

нам в этом месяце на животных — стал героям фильма из ГДР «Мальчик с большой черной собачкой». Картина адресована детям и несет в себе весь положенный набор коллизий, умилляющих взрослых зрителей. Но собака там нетерпима: она умна и так по-чаплински грустит ее взор, что можно отдать ей первенство среди мужских антерских работ, по крайней мере в рамках этого обозрения.

Обильный туман, зловеще окутавший начальниковых надрыв югославской ленты «Чужие деньги» (режиссер Зоран Тадич), сигнализирует поклонников детективов: это ваша картина. Тем более что в тумане свершается убийство. Законы детективного жанра постаются о собственности, и преступление раскрывается постепенно, держа внимание любителей интриги. Но достовернейший быт, подобные будни героев, точно обрисованная социальная среда оволочнут нас неужели того тумана, и ясность эта, эта трезвость, графичность взгляда обнажают некую неполноценность представляемой перед наами жизни. Окрайне захолустного города, обычной рабочей семьи, заботы: деньги вечно на пределе. Единственная «культурная точка» — убогий бар, место встреч и драк. Жизнь, обделенная радостью, мыслью, духовностью, идеалами. Фильм устанавливает прямую связь этого самого страшного из дефектов с ущербностью нравственности. У людей атрофированы моральные устои. Случайно попавшие в руки преступные деньги для них не несут зловещего отпечатка: это просто деньги, их можно пустить в ход, если быть осторожным. Разноса как и само преступство не поражают совести.

Фильм закончился новым убийством — спокойным, рассудочным и оттого еще более страшным. И задает в финале немой вопрос: вот такая ущербная жизнь — не илюзорна ли она преступность почты автоматической?..

Удача, провалы, невнятница, скуча — все есть в репертуаре фильмов, прящущих к нам в этот месяц из братских стран. А может, лучше не смотреть? Или это просто деньги для высоких художественных целей кошки. Впрочем, может, в этом фильме и кошка была чучелом?

Огромный черный киностудилен — везет

В ГОСКИНО СССР

Впереди — работа

Альвь Адамович впервые выступил на конференции Госкино СССР в новом качестве — с ответом о перестройке научной организационной деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института кинематографии, который он возглавил в прошлом году. Переход нашего кинематографа на новую модель, наравнявшись необходимостью пересмотреть многие принципы киноизделия, поставив перед институтом и его новым директором ответственные задачи — дать теоретическое обоснование сложным процессам и параметрам, происходящим в советском кинематографии и культуре. Кинематографическая общественность в последние годы спряталась за критиковавшие ее за оторванность от реальной творческой практики, кельянность, упреки в том, что не было в полной мере использованы накопленный годами богатый научный потенциал. Разумеется, сказывались и объективные недостатки — например, отсутствие собственной издательской базы. Кинодокументальная пропаганда, нарушавшая договоры с западными партнерами, сказывалась слабой технической оснащенностью кинопроизводства, недостатком средств и недоработанностью планов. Проблемы «текущких», в на стратегии сотрудничества.

Надо сказать, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Надо сказать, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов накопилось немало проблем. Всех, конечно, радуют поломитные формы, демократичные форматы работы, и — утверждение новой научно-исследовательской программы на ближайшие годы. Предстоит еще преодолеть многое прежние недостатки.

Сейчас, и в области международных связей у кинематографистов нак

И ВСЕ РАСТВОРИЛОСЬ В «ПОТОКЕ СЕРОСТИ»?

(Окончание. Начало на 5-й стр.).

бия. Непосредственным толчком послужила подборка материалов под весьма броским заголовком «Противостояние», опубликованная в «Советской культуре» 16 января, где в интервью со мной оказалось много недосказанного. Вот и подумалось: уж лучше сама напишу, что считаю нужным. Тем более что вопрос считался важным, принципиальным, влияло на населяющихся и судеб перестройки в нашем кинокультуре, и конкретной судьбы многих моих товарищей во работе.

На одном из наших бурных собраний прозвучал вопрос: почему и на каком основании Госкино и творческий союз взяли на себя функцию коллективна и сами определили, скольким творческим объединениям у нас быть? Ответ был короток: так предусмотрено «моделью». Убедительный? По-моему, нет. Попробуем разобраться в этом в максимально гладко-красивом и минимумом домыслов.

Прежде всего «модель», как мы знаем, еще не стала юридическим документом, и во всем опираться на ее положения было бы преждевременным забеганием вперед. Но будь это даже по-иному, все равно прогрессива выбирать руководителей остается за киностудиями, а никак не за союзниками с верхних этажей власти. Киностудия в таком виде, как она существует сегодня, наделена всеми функциями государственного предприятия, и в любом случае творческая часть ее коллектива вправе сама решать внутренние свои проблемы.

Навязанная Киностудии имени Горького еще

два объединения, Госкино и Союз кинематографистов не только «выродили» 14 дополнительных единиц административного, управляемого персонала — это было еще полбеды. Беда в том, что, поступив таким образом, обе организации возвращаются на порочный круг волевых решений, лишенных даже намека на демократизм. Как захотели, так и поступили. Говорили, например, что и избранию худруков объединений обязательно должно предшествовать тщательное обсуждение творческих программ кандидатов. Это не помешало утвердить художественным руководителем писателя, который вообще никаких программ не представлял. Говорили о повышении ответственности всех и каждого. Реальная ответственности. За коллективом киностудии также ответственность остается, хотя к выборам худруков он абсолютно никакого отношения не имел. А какова в реальных условиях реальная ответственность Госкино и союза? Да никакой. В пору горячей критики нашего кино в печати мне довелось услышать фразу одного из бывших наших руководителей: «Мы-то тут при чем?» Госкино кино не снимает. Не случится ли так, что через какое-то время один из нынешних секретарей союза скажет что-нибудь похожее: «Мы тут ни при чем! Не мы же это фильм снимали — киностудия!»

Никто не отирается права Госкино и Союза кинематографистов контролировать ход дел, руководить процессом производства фильмов. Больше того, такие руководство и контроль — вещи необходимые. Не исключено и вмешательство в решение конкретных вопросов, возникающих на киностудиях и в творческих объ-

единениях. Было бы покаянным и вполне оправданным появление, скажем, представителя секретариата союза на нашем общем собрании. Его авторитетные аргументы за или против определенной кандидатуры, за шесть и против четырех объединений были бы наверняка выслушаны, обсуждены и приняты во внимание. Конечно, тут потребовалось бы повозиться, подыскивать аргументы побудительной, энергию употребить. Куда проще принять непрекращающее решение на закрытом совместном заседании. Да и мы, коллеги-студии, по справедливости тоже заслужили упрек. Не выстояли. Сдались. Тонк не понял еще, что перестройка касается всех в разной степени, а не одних лишь представителей различных «штабов власти».

Возврат к хорошо известному административному стилю руководства, при котором одни коммандуют, а другие беспросперечно подчиняются, ничего положительного дать нашему кинокультурству не может. Дело проверенное. И мало что меняет тот факт, что на смену чисто ведомственным амбициям Госкино сегодня приходит амбиции, так сказать, смисленого толка — ведомственно-корпоративные. Или, может быть, корпоративно-ведомственные? Такой стиль способен только деформировать художников, замести приципиальность угодничества, искренность — лукавством, мучительный творческий поиск — поиском самоногого покровителя. Стоит ли еще и еще раз проходить пройденный путь?..

Я закончил эту статью, когда мне позвонили с Центральной киностудии документальных фильмов. Сообщили, что ее коллектив решил создать четыре творческих объединения, но «совместное заседание» безголовочко определило, что их будет шесть. Не вдаваясь в обсуждение и не «спускаясь» до дискуссии с коллегиством, утвердили и художественных Руководителей.

Значит, Киностудия имени Горького — не исключение. В этом мало утешительного. Скорее

составление наоборот.

«ЗЕРКАЛО? УВЕЛИЧИВАЮЩЕЕ СТЕКЛО?»

ЖИВАЯ ВОДА

Человеку свойственно даже в дни очень большого горя цепляться душой хотя бы за крохотную положительную эмоцию. Я вспоминаю «Кубанских казаков», как луч света в темном царстве. И не стремлюсь вытравить из своей памяти тот солнечный луч. Хотя моя вкусы в искусстве были и остаются совершенными другими.

В отличие от Т. Хлопониной я не восприняла этот фильм как отражение реальной тогданий жизни на Кубани, хотя была в то время национальной школьницей. И никто из окружающих меня взрослых в детях, насколько помню, так не воспринял. Всякое искусство имеет свою условность, и зрители, как правило, «чувствуют» его прекрасно, искренне. Но, может быть, в результате специального искусствоведческого образования человеческая натура иногда деформируется и теряет свои природные качества и способности?

Уверена: если бы в очень трудные годы не было такого яркого, красочного, оптимистичного кинематографа, выжить было бы значительно сложнее. Жила я тогда в Горьковской области, куда нас с мамой забросила из Брянска война. Деревни были рядом, нас водили туда на сельхозработы. Видела сельскую жизнь, и во время войны, и после войны жила по чужим углам на соломе, если всякая дранка не было у меня никаких излишних настроений где-то в другом районе страны. С какой стати? Война везде война! Напротив, приехал после восьмого класса к родственникам в Москву, я была немало удивлена, что жизнь там не как у нас в Богородске — конфеты, вафли, шоколад! Я-то думала, что всем также одинаково — страна одна, все мы советские люди. Так что впечатления мои совсем иные, чем у Т. Хлопониной, совсем наоборот.

Сейчас меня удивляет, что критики никак не могут разобраться, почему зрители не идут смотреть замечательные фильмы Алексея Германа. Да потому, что свою жизнь тяжелая, и чаще нельзя переносить. Это ведь критикам только кажется, наверное, что люди живут как пушки, ничего не замечают, и не переживают, потому что не раскроют им глаза и не погнут их носом (прошу прощения за неизящное выражение, но не я придумала и отстакала такое искусство). Вообще надо сказать, что наиболее слаба наша критика как раз в поиске причинно-следственных связей. Как будто идет с заложенными глазами. Или из Москвы не видят?

А фильмам А. Германа действительно замечательные, и на первый взгляд отрицательную их оценку со стороны широкой публики, и уверена, режиссер должен воспринимать как самую положительную: зрители так чувствуют, что эти фильмы смотрят им нельзя. Для этих фильмов время не пришло. Вот когда перестроимся, дай бог, в лучшую сторону, тогда в кинозале можно будет посмотреть трудной жизнью — силы будут для этого.

На фильм В. Меньшикова «Москва слезам не верит», несмотря на его жуткое название,

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

можно пойти и сейчас, потому что человек там в той или иной мере сам себе хозяин, от него самого многое зависит и, конечно, от удачи. У Германа же человек под гнетом времени, обстоятельств, прикован «сверху».

Из фильмов на военные темы самое сильное впечатление произвело на меня в свое время «Нюрнбергский процесс» С. Крамера. Не содержанием, не помазом ужасов концлагерей, а тем, как он сделал, своими художественными достоинствами. И только посмотрев «Двадцать дней без войны» А. Германа, и пришла к выводу, что и у нас, оказывается, могут снять фильмы о войне не хуже, если не лучше. Эти «Дни без войны» потрясли меня своей правдивостью. Смотрела фильм и мысленно изыгрывала и режиссеру: ну, пожалуйте хоть один приятный пейзаж, хоть один луч солнца! Хоть Гурченко покраснеет покажите! Но не было так глупы, как думают некоторые деятели искусства. Они не были хуже нас. Что, мы не знали, что на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте. О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб. Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает человека постоянным напоминанием о его болезнях, а, напротив, перспективной нормальной жизни) стараются помочь ему выдорвать.

Не спорю, есть у искусства историческая миссия: правильно отражать, выражать и художественно анализировать свое время. Но не было времени, когда скопом и помыслом наложить этот обман. Да и не в силах были смыть с лица земли эти следы. И это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями, забывали, что это искусство (а искусство, забывает) несет на войне есть герой и есть трусы, есть «хахари», есть «счастливчики», о которых в народе говорили: «Кому война, а кому мать родна?» Знали. Мы многое знали. Мы жаждали красоты души. Нас тянуло вперед, и солнце. Сейчас любят говорить о наивности старых фильмов, а я считаю, что от них веяло теплом и светом.

Немало и сейчас крепких картин, но много вычурных, дерганых, нервных, жестких, заумных, скатывающихся к нигилизму, пустоте.

О «Кубанских казаках». Смотрели их столько, сколько картину привозили в наш клуб.

Воспринимали ее сердцем, жили с героями,

ЛЮДИ ИСКУССТВА

В шумной, возбужденной толпе стоит высокий человек и растерянно улыбается: уж очень много света и людей после стольких лет одиночества и забвения. Этой выставки он ждал более сорока лет. И хотя афиши об открытии в городе не было, народу собралось много: Мир Джавад — особая страница в истории нашего искусства. Бакинцы только слышали о нем, но не имели возможности познакомиться с его творчеством.

Восставшее солнце

Драму Мир Джавада трудно понять без аксессуаров в прошлом. Он относится к тому поколению, которое пришло в искусство в конные сороковые годы, когда любое отклонение от строго регламентированной жизни, озанемевших душ воспринималось как отступничество, как послагательство на реализм. Мир Джавад не вмешался в прокурорство лоне готовых схем. Его причинали модернистам.

Мир Джавад поселился за городом, в покинутой полуразрушенной даче. Жить на средства отца он не мог себе позволить, а своих денег выходило немного. На даче неуютно, холода, но зато рядом море, вокруг тишина, пронизанная голубизной неба. Что еще нужно художнику? К нему приезжала молодежь. Она не всегда понимала его, но всегда восхищалась им. И, как обычно бывает в таких случаях, дорисовывала его образ. Но, кроме легенды, был еще реальный Мир Джавад. А ему не всегда было сладко. Неистовый в поисках, постоянно меняющийся, он нарушал установившееся представление о художнике. Другие — среди них были и талантливые — быстро приравнивались к требованиям момента, полу-

чили заказы, ордена, премии. А он еще долго жил один и с трудом сводил концы с концами. Попался, ни в одном творческом союзе Азербайджана формализм, беспричинность, разнодушие к талантам, нетерпимость и критике не расценили таким пышным цветом, как в Союзе художников. Застой здесь длился так долго, что напоминал лягушечий сон.

Союз художников стал рассадником посредственности и, поддерживая, активно пропагандируя, фактически культуризовала ее. Нельзя сказать, что сонное ощущение устраивало всех. Художников беспокоила гнилая атмосфера, особенно гибельная для молодых, неокрепших дарований. Они писали в вышестоящие инстанции, боялись тревоги. Но застой, поддерживаемый и сверху, каменел, казался непробиваемым: усилия разбивались, как волны о скалы. Общая апатия еще более развязывала руки тем, кто толпился вокруг руководителя союза. Мир Джавад не участвовал в этих «играх» и был отлучен от союза: он просто перестал существовать для организации. Но работать продолжал. Его холсты были забыты мастерской. Спасибо, что позвонили, сказала она. Да, они, конечно, очень рады этому собы-

тию. Только вот Мир Джавад захвачен. Видно, от волнения, сердце ведь не каменеет. Более сорока лет ждал. Обидно, сколько сил и времени пропало.

И все-таки выставка состоялась. Многие не без основания считали это победой не только одного из старейших работников изобразительного искусства. Засверкали звезды надежды. Из добровольного заключения, из своих мастерских вышли скептики, громучи включились в работу. Эти настроения в конце прошлого года на последнем съезде художников Азербайджана обрели характер общего недовольства всем состоянием дел в организации. Председатель и его группа отчально сопротивлялись. Они, как за колонну, хлатались за старые методы, но догмы, подточенные временем, на этот раз не сработали.

Благодаря перestroйке произошло невероятное: зло было замазано, добро восторжествовало. Короли оказались пешками. Делегаты отказали в доверии всем руководителям. Был сменился и бессменный председатель, избраны новые члены правления, в числе которых и Мир Джавад Джавадов. За него проголосовали единогласно. Истота, минувший год для мастера оказалась, как никогда, урожайной: состоялись еще две выставки — в Центре министра в Баку и в Москве.

Мир Джавад выстоял, пробился сквозь глухую стену разногласий, носности. А сколько было таких, которые недостаточно, а то и вовсе не были оценены при жизни. Никак не могу забыть один пасмурный вечер. Полупустый, прохладный проходящий салон на имени В. Самедова. Жидкий свет лампочки над головами собравшихся. Выступают толварини, сверстники Ашрафа Мурад-оглы, говорят о творчестве друга. Хвалят его вовсю: «Хотя автор этих полотен был молод, но работы поражают совершенством исполнения, оригинальностью. К сожалению, на первой выставке представлены далеко не самые лучшие произведения Ашрафа». Дело в том, что открылась выставка через двадцать лет после смерти художника. Союз художников Министерства культуры в свое время не побеспокоился о сохранности его работ, в многие следующие годы погибли. До нас дошли лишь крохи. Горькие утраты, горькие урони...

Ф. МУСТАФАЕВ.
(Наш соб. корр.).
● Художник Мир Джавад.

«Домовой»

Имеется ли существенное различие между такими двумя понятиями, как «рабочник» и «девтель»?

Лингвисты и эзекиевцы смогли бы, наверное, сказать по этому поводу не мало интересных обсуждений. Мне же, человеку инженерному, кажется, что и то, и другое по большому счету — это признание активности человека, его неутомимости, увлеченностии своим делом.

Я знаю такого человека. Работник и Девтель (и то и другое с большой буквы) сливается для меня воедино в лицах старого и доброго друга — Бориса Михайловича Филиппова. Так оно, кстати сказать, обстоит и вполне официально: много лет он достойно носит оба почтенные звания — заслуженный работник культуры и заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

Молодой читатель может, пожалуй, спросить: Филиппов? А кто он? Сергеевич Балетмейстер! Деврик? Плевец? С какой из двадцати мифологических муз он больше всего дружит? Отвечу без малейшего колебания — со всеми без исключения, так как Борис Филиппов прославил себя как земчитель и видоизменяющий мастер искусства на обычного и скромного, всевозможного, охватывающего решительно все творческие жанры. Называется оно несколько словами — культурно-массовая клубная работа, на какое же это в умных руках живое, яркое и интересное дело!

Именно в этом искусстве блестяще проявляются сильные творческие способности Бориса Филиппова на протяжении нескольких десятилетий своей творческой биографии и практически всего в двух славных домах-долголетиях творческой интеллигентности Москвы — Центрального дома работников искусств и Центрального дома литераторов в качестве директора (начала одного, потом другого), заслуженного там самым крепко приставшего к нему шутонческого прозвания «Домовому».

Нельзя не сказать о писательской деятельности Филиппова. Отлично владея пером, он подает читателям ряд книг — «Творческие встречи», «Актеры без грима», «Музы на фронте», «Записки «Домового» и другие, воскрешающие различные образы культурной жизни Москвы, рассказывающие о замечательных, легендарных людях. Он по-прежнему, по-молодому предает искусству, literature, звонко, заинтересованно, увлеченно оставляет тем, ком всей душой и всем сердцем был всю жизнь — работником и деятелем.

Бор. ЕФИМОВ.

НА ФОТОКОНКУРС

● «Бандурист».

● «Тбилисские шарманщики».

● «Старый голямщик».

О советско-болгарском клубе молодежных проблем, созданном недавно, нашему корреспонденту рассказывает один из его учредителей — писатель и публицист Леонид ЖУХОВИЦКИЙ.

— Клуб появился по инициативе журналов «Юность» и «Болгария». Первое рабочее заседание мы недавно провели в Софии, куда были приглашены главный редактор «Юности» Андрей Дементьев, социолог Игорь Кон, заведующий отделом публицистов «Юности» Михаил Хромаков и я. Болгарскую сторону представляли Венцел Райчев — главный редактор «Болгарии» и газеты «Софийские новости», социолог Мария Дикнова, журналист Игорь Альтер, психиатр Филип Папазов. Сразу хочу подчеркнуть, что двери клуба открыты и для представителей других стран. На следующем заседании, которое должно будет состояться этой весной в Москве, мы рассчитываем встремиться со специалистами по молодежным проблемам из Болгарии, Австрии и Швейцарии.

— Так же может стать членом нашего клуба? Если я правильно понял, он объединяет и юношескую и девушек разных стран, а «зрелые», так или иначе связанных с молодежью по роду своей деятельности?

— Совершенно верно. Причем членство в нашем клубе может быть только личным, организаций мы не принимаем. Могут ли участвовать в работе люди, возглавляющие какие-либо учреждения и организации? Могут, но только на правах личного членства. Так, например, в Болгарии первого секретаря Димитровского коммунистического союза молодежи Андрея Бундулова очень занята интересовала идея создания клуба, и мы предложили ему стать нашим членом, но не наш руководителем болгарского комсомола, а как серебряному ученику-социологу и человеку, работающему с молодежью... Ну и, конечно же, мы надеемся, что в клуб придут и писатели, врачи, и кинematографисты, и учёные, и публицисты, и драматурги.

— Итак, клуб молодежных проблем. Но прежде чем говорить о его конкретных задачах, напрашивается вопрос: почему он возник?

— Удивляться надо тому, что он не возник раньше. Я не открою Америки, сказав, что сегодня молодежные проблемы встали перед нами с невыполненной острой, причем в равной степени это относится и к нашей, и к другим странам. Огромный клуб молодежных проблем, из которого мы все — писатели, журналисты, социологи — выдергиваем по ниточки, не пытались разобраться во всем комплексе. Особенно это заметно в нашей литературе и искусстве. К сожалению, для множества драматургов, сценаристов, прозаиков молодежь представляет собой нечто экзотическое, нередко напоминающее героя зарубежного кинематографа — мафиози, авантюристов Клондайка или завоевателей Азии. Что и этим хочу сказать? А то, что зачастую молодежная тема используется как скандальный материал, позволяющий вытаскивать только то, что любопытно. Даже в фильме на производственную тему на третьем плане будут танцевать брейк, то в реклам-

ном ролике именно его и покажут, будьте уверены. В искусстве о молодежи много сплетничают, а не исследуют ее проблемы, вызывая у молодежи презрение к самому серьезному искусству...

— И все-таки нельзя не обратить внимание на то, что в прессе о молодежи пишут все больше и больше...

— Больше — несомненно. Но как писатель, занимающийся молодежными проблемами более двух десятилетий, я не могу не оторваться от того, что опять же многие публикации не поднимают выше сплетен. Сейчас огромную по-

слушать «металл» и не задают себе вопрос, что с ним, с «рок-металлом», делать. Они не задают себе вопросов, что делаем мы, сидя на наших собраниях, им это скучно, и они находят это занятие пустым и бесполезным. Нам, взрослым, надо понять, почему так происходит. Если мы не разберемся в этом, то они спокойно будут продолжать жить и без нас своей жизнью. Истота, когда мы произносим «общество и молодежь», мы как бы подчеркиваем, что это не говорим же мы «зрелые и общественность».

— В наше время понятие молодости как вов-

еда в том, что, когда молодой борец за справедливость одерживает наконец победу и занимает место бородатого, измученного в этой борьбе, он уже сам стремится приставить течением жизни. И также случаев, и сожалению, сколько угодно.

— В известной мере и это можно понять. Здесь мы снова сталкиваемся со «зрелостью» проблемой воспитания...

— Мы все, взрослые, хотим мы этого или не хотим, воспитываем молодежь. Воспитываем своим примером, своей жизнью. Приспособленчество, капризизм, корысть, равноду-

ловен может измениться. Или наша пресловутая борьба с длинными волосами. Можно подумать, что духовный мир человека формируют парикмахеры! Мы уже поняли, что в экономике сегодня нельзя обойтись без компьютеров, а в воспитании по-прежнему пользуемся кувалдой и тачкой.

— Более, что даже если подобные консультативные центры и появятся, то произойдет это не скоро. К тому же совсем не каждый войдет туда за советом. Согласитесь, что взрослому легче обратиться со своими «стариками» к психологу, например. Что же касается родителей, оказавшихся перед лицом какой-то конфликтной ситуации, то тоже не всякий сочтет нужным обсуждать ее с практическим взором, не известным ему человеком...

— Именно поэтому я считаю, что один из первых неотложных задач нашего искусства, литературы и печати является объяснение происходящего. Когда мы обясняем и анализируем то, что реально происходит в нашей жизни, отпадает целый ряд псевдопроблем. Сейчас у нас о многом стали говорить вслух, но по сути речь идет об уже известном. И эйфория по этому поводу превышает вредна, потому что рядом существует малоизвестное и неизвестное вообще.

Повторю: симптом не есть диагноз и уж тем более не лечение. Трудность заключается еще и в том, что молодежь, как правило, не понимает что это за жизнь в целом, и не самое се- бя. Сегодня молодежь очень откровена, и это нас приводит в восторг, но сплошь и рядом она говорит не то, что есть на самом деле, а что ей кажется, или то, что мы хотим от нее услышать.

— Какова будет роль клуба в этом, если там можно выразиться, в процессе обществен- но-осознания молодежных проблем?

— Мы собираемся издавать сборники научных статей, посвященных этим вопросам, с тем, чтобы познакомить с различными исследованиями, которые до сих пор были известны только специалистам, самую широкую аудиторию. Планируем также издание художественных произведений и публицистики. Хотим снять серию документальных фильмов о молодежи, об-

ласти, которая необходима созданию основного комплекса молодежных проблем. Работу предполагаем начать в дальнейшем открыть целую сеть консультаций по этим вопросам. Однажды консультируем там, по-моему, должны были бы именные специалисты по молодежным проблемам, то есть представители пока еще не существующей у нас профессии. Беда в том, что в вопросах воспитания и становления личности у нас царят разгул самодельности. Каждый отдельно взятый специалист может дать совет исключительно в своей области: мастер спорта будет утверждать, что физкультура — панацея от всех недугов, психологи — переключают ветеринарии и так далее. В результате мы лягнем на спину, не болезнь, а ее симптомы. Мы вдруг начнем паниковать по поводу того, что ребята носят майки с иностранной символикой. Как будто бы, переодев майку, че-

рез — плоды нашего воспитания. Мы часто говорим о нравственной неразборчивости и безответственности молодежи. Эти явления, конечно же, существуют, но гораздо более распространены и называются мне нравственность и безответственность по отношению к молодежи. Нам ничего не стоит заявить, что все они бездельники, например. Всех мы подумаем, что у нас считается молодым рокером 40—45 лет. И их проблемы — типично молодежные: самоутверждение, место в жизни. Большинство из них это так и не нашли. У некоторых уже дети институты, зачинчивают, а они продолжают искать себя. Почти у каждого есть семья, но нет гарантов, что она последняя, что они состоятся как пара. Ну а если мы подумаем, что у нас считается молодым режиссером? Сплошь и рядом те, кому за 40, не получившие возможности самовыражения, существующие на подквадрате у мастеров. Что такое молодые писатели? Но привыкшие, не получившие широкого читателя. Целый ряд талантливых литераторов ходят в молодых до 50, вынуждены решать в жизни чисто молодежные проблемы. Одни из патриархов нашей отечественной поэзии Арсений Тарковский числился в «молодых поэтах» чуть ли не до 60 лет, так как его первый сборник увидел свет, когда ему было далеко за 50. Комплекс молодежных проблем — один из самых важных в жизни нашего общества. Мы сейчас много пишем о молодежи, а это не значит, что она интересна широкому читателю. Причем если мы говорим о молодежи для нас, то это не значит, что она интересна широкому читателю. Проблема в том, что мы говорим о молодежи для нас, а не для широкого читателя.

— Какой, на ваш взгляд, могла бы быть такая конкретная помощь?

— В первую очередь нам необходимо создать институты молодежных проблем и разработать доступной теории воспитания, что позволит открыть целую сеть консультаций по этим вопросам. Однажды консультируем там, по-моему, должны были бы именные специалисты по молодежным проблемам, то есть представители пока еще не существующей у нас профессии. Беда в том, что в вопросах воспитания и становления личности у нас царят разгул самодельности. Каждый отдельно взятый специалист может дать совет исключительно в своей области: мастер спорта будет утверждать, что физкультура — панацея от всех недугов, психологи — переключают ветеринарии и так далее. В результате мы лягнем на спину, не болезнь, а ее симптомы. Мы вдруг начнем паниковать по поводу того,

что ребята носят майки с иностранной символикой. Как будто бы, переодев майку, че-

рез — плоды нашего воспитания. Мы часто говорим о нравственной неразборчивости и безответственности молодежи. Эти явления, конечно же, существуют, но гораздо более распространены и называются мне нравственность и безответственность по отношению к молодежи. Нам ничего не стоит заявить, что все они бездельники, например. Всех мы подумаем, что у нас считается молодым рокером 40—45 лет. И их проблемы — типично молодежные: самоутверждение, место в жизни. Большинство из них это так и не нашли. У некоторых уже дети институты, зачинчивают, а они продолжают искать себя. Почти у каждого есть семья, но нет гарантов, что она последняя, что они состоятся как пара. Ну а если мы подумаем, что у нас считается молодым режиссером? Сплошь и рядом те, кому за 40, не получившие возможности самовыражения, существующие на подквадрате у мастеров. Что такое молодые писатели? Но привыкшие, не получившие широкого читателя. Целый ряд талантливых литераторов ходят в молодых до 50, вынуждены решать в жизни чисто молодежные проблемы. Одни из патриархов нашей отечественной поэзии Арсений Тарковский числился в «м

ТЕМА СЕЗОНА

Время собирать камни

РАЧЬЯ КАПЛАНЯН,

председатель правления Союза театральных деятелей Армении, народный артист СССР

Сегодня наконец-то рассеялся густой туман всевозможных запретов, окутывавший наше искусство. Казалось, что еще надо художников? Творить да творить! Но мы, деятели армянского театра, в социально-общественном многоголосии выделились некую паузу.

Хотя на первый взгляд не так и плохо обстоит дела в театрах республики. С успехом прошли в Москве летом прошлого года гастроли киевской труппы. Рождаются интересные спектакли в Ереванском драматическом, хорошо работают в Театре имени Ленинского комсомола в Ереване. Но даже их усилиями не оживляется общая театральная картина Армении.

В чем же дело? А дело в нравственном климате, не изменившемся после застоя. На плече СТД Армении, когда обсуждалась устав нашего союза, нашлись люди, которым владели лишь потребительские интересы.

Горько мне писать об этом, горько и больно. Но именно они союз должны принародно и гласно разрушить гордые уезды различных театральных критиков — это ему под силу — и приступить к подлинной перестройке театрального дела в республике.

В Армении за прошлые годы наступило множество проблем. Некоторые из них преодолены, иные ждут решения. А вот главная проблема упирается в глухую стену бюрократизма. Русский театр имени К. С. Станиславского, например, с мая месяца этого года вынужден покинуть свое помещение и подождать существующие, нет. Пусть конкурируют!

Свыше двадцати лет назад Армянский театральный общества создал театр «Дружба». Наш пример подхватили в Тбилиси, Баку, Киеве. В прошлом году Государственный театр Дружбы народов открылся в Москве. Сегодня, когда проведение тематических гастролей стало приоритетом СТД СССР, в частностях, в Ереване была прекрасно организована всесоюзная

КРЕВАН.

ХРОНИКА

Совещаются

критики

Сегодня в Тбилиси завершилось Всеобщее совещание театральных критиков. Выступающие проанализировали и оценили творческую работу с органами печати с представителями массовой информации, обсудили возможность создания добровольного, общественного, профессионального объединения театральных критиков. Разговор шел также в системе подготовки и перевода спектаклей, о необходимости предупредить профессиональную и территориальную занятость театральной критики.

Прав Кирилл Лавров, написав — прекрасен наш союз! Прекрасен, потому что создал усилиями людей талантливых. Прекрасен, потому что, будем надеяться, никогда не свернет со столбовой дороги подлинного искусства.

КРЕВАН.

А. ЛОСЕВ, председатель Новосибирской организации СТД РСФСР.

«Встреча»
В Липецке

В течение нескольких дней проходили «Липецкие театральные встречи» в областном центре Российской Федерации. На них обсуждались вопросы синтеза, единства художественного искусства, задачи, связанные с осуществлением широкомасштабного эксперимента по расширению финансового и творческого самоиздания и кооперации.

Разговор об этом состоялся откровенно, подчас даже с горечью от наших недоречий и промахов. Но был он артистичен и доброжелательным, поскольку театр — наша общая страсть и общая болезнь.

А. ЛОСЕВ, председатель Новосибирской организации СТД РСФСР.

В театре
Дружбы народов

Государственный театр Дружбы народов, созданный Министерством культуры СССР и Союзом театральных деятелей России, продолжает свою деятельность. Москву, Ленинград, Киев, Ереван, Горький, Владимир, Даугавпилс обсуждали проблемы современного искусства и искусства театра, говорили о дальнейшем развитии художественной культуры.

(Наш соб. корр.).

ЛЕННинград.

Содружество

Более пяти лет назад вернулся творческий союз театральных деятелей СССР с редакцией журнала «Театр».

История годами разного рода софты, обличающие феодальное единство театра, и пропагандирующие антическое и прочие проблемы.

И потому особенно полезны были для нас, новосибирцев, последние приезды сотрудников Союза театральных деятелей СССР, обратившихся к Новосибирской организации СТД с предложением проанализировать последние работы театров «Красный факел», юного зрителя и областного драматического.

Речь шла об угрозе, явившейся над уникальным учащим зданием — Музей-усадьбой величайшего русского драматурга А. Н. Островского в Щекинове. И необходимости принять срочные меры во имя спасения.

Напомним, впервые, что проблема, в непосредственной близости от Щекинова, всегда в восемь километров от могилы А. Н. Островского, предполагала строительство новых цехов Заводы химической промышленности, что в Ивановской области.

Любому здравомыслящему и непредвзятому человеку ясно, что подобное соседство привнесет непоправимый вред уникальному природному центру с его сказочной яркостью долины, «горбами влюбленими», где бессменно бьется сердце растущих Сибирских, где никогда не увядают сажевые цветы по стволам благородных деревьев.

Любому здравомыслящему и непредвзятому человеку ясно, что подобное соседство привнесет непоправимый вред уникальному природному центру с его сказочной яркостью долины, «горбами влюбленими», где бессменно бьется сердце растущих Сибирских, где никогда не увядают сажевые цветы по стволам благородных деревьев.

— потребовал от хищнико общественности председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР Михаил Ульянов на выездном заседании секретариата президиума СТД РСФСР в Союзе инженеров РСФСР, Министерстве культуры и Костромским обкомом партии и облисполкомом.

Речь шла об угрозе, явившейся над уникальным учащим зданием — Музей-усадьбой великого русского драматурга А. Н. Островского, предполагала строительство новых цехов Заводы химической промышленности, что в Ивановской области.

Любому здравомыслящему и непредвзятому человеку ясно, что подобное соседство привнесет непоправимый вред уникальному природному центру с его сказочной яркостью долины, «горбами влюбленими», где бессменно бьется сердце растущих Сибирских, где никогда не увядают сажевые цветы по стволам благородных деревьев.

— потребовал от хищнико общественности председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР Михаил Ульянов на выездном заседании секретариата президиума СТД РСФСР В. ЛИТИНОВИЧ на выездном заседании секретариата. Создается впечатление, что Министерству химической промышленности СССР вынуждено улучшить производственные условия жизни рабочих времена. Пока бурят страсти, они спокойно, не доказывая право на свое решение, развалили безу-плаздарм для

СЦЕНА

ВАШ ВЫХОДИ

Елена Шанина:

ОТ РОЛИ К РОЛИ

Судьба актрисы

Редко в нынешнем театре встречаются спектакли, поставленные «не актеры», спектакли-бенефисы, дающие возможность исполнителя показаться во всем блеске своего мастерства. Именно с этой целью, как мне кажется, обратился Ленинградский театр комедии (режиссер Л. Ступаков) к пьесе американского драматурга Мэри Орр Реджинальда Динема «Все о Еве», поручив главную роль Ольге Антоновой.

Примите, пожалуйста, Марго Крайн, — прочитала судьба, и мысли Марго о будущем — невеселые мысли. Замечательно передает О. Антонова основную тему пьесы: внутренняя личность актера, цинизм победы чистоты и непосредственности, в разрыве между режиссером и актером.

Героиня спектакля, стараясь избежать проблем, Ильинский СТД Армении не предлагает единой модели для всех театров. Театр — как личность. У каждого свой характер, свое видение, свой жизненный темп и ритм. Наша задача — поощрять талант, беречь его от каветов бездарности. Память, что талант — достояние народа, достояние уникальное.

Армянский театр долго

молчал. И для того чтобы он

заговорил в полную мощь,

нам предстоит одоровать

творческую атмосферу в на-

ших коллективах, преградить

путь амбициям, потребитель-

ству, установить во всех теа-

трах «диктатуру» творческой

свободы.

Ю. ЮРЬЕВ.

● О. Антонова в спектакле «Все о Еве».

Марго Крайн недавно

погребется, она в состоянии мгновенно привести себя в полную боевую готовность. Марго — О. Антонова на глазах то зажигается, освещается какими-то внутренним огнем (озорством, не вполне избыточной молодостью, какой-то удалью), то гаснет, стирет, сникнет.

Промята жизнь, прочитанная судьба, и мысли Марго о будущем — невеселые мысли. Замечательно передает О. Антонова основную тему пьесы: внутренняя личность актера, цинизм победы чистоты и непосредственности, в разрыве между режиссером и актером.

Одним из свойств актерской и режиссерской профессии является то, что все хорошие.

Даже вершины, — это было вчера.

В финале спектакля еще гремят аллюзии: а ты по-

имеешь, что он уже в прошлом.

Ведь для каждого театра, как и для каждого актера, существует реальная опасность остаться в моде своего времени...

Могу сказать еще: пусть будет в нашем сугубо «режиссерском» театре подобные «актерские» спектакли. Ибо они дарят нам то, что мы можем приобщиться к чуду театра, который подчас не звездит в таком мастерски выстроенным, но внутренне холодным режиссерским спектаклем.

Дарят моменты, когда мы можем почувствовать в каждой-то моменте превозносимую картину измотанной, выдохшейся, разбитой.

Второй, когда мы можем почувствовать в каждом из этих моментов превозносимую картину измотанной, выдохшейся, разбитой.

В третьем, когда мы можем почувствовать в каждом из этих моментов превозносимую картину измотанной, выдохшейся, разбитой.

Я — за сомнение, потому что это постоянное движение вперед. Но я против разрушения, когда призывают «сносить все старое» и на его обломках немедленно строить «новое искусство».

Ведь давно выяснило, что разрушать легко, в то время..

Нужно дорожить тем, что есть, что уже построено. Здание мож-

но надстраивать, видоизменять, приглашать в него новых друзей, но ни в коем случае не выбгонять старых. Я надеюсь на молодость режиссеров — именных и молодых. Надеюсь на то, что они поймут, как вырос сейчас актер. Мне думается, что будущее театра — в равном диалоге режиссеров с актерами. Особенно с молодыми...

— А в чем, по-вашему, разница между актерами вашего поколения и нынешними молодыми?

— Разница очевидная. Мы в отличие от них все-таки были лицедеями. Не в лучшем смысле этого слова. Нам говорили: встать на голову — и мы вставали. Делали это органично, может быть, красиво. Нам говорили сейчас играть в такой манере, в таком ритме — и мы играли. Причем делали все быстрые, лихие, иногда талантливые. Мы шли на коньконтурную. Сознательно. Брали какие-то роли и цинично говорили: «Да, это это у нас есть». Итак, актеры встали, потому что встали на голову, — и мы встали. Делали это органично, может быть, красиво. Нам говорили: «Стоп! Почему? Нет, пожалуй, я вижу, как эти ребята, еще ничего не имевшие, живущие в общественности, не красующиеся на обложках журналов, вдруг говорят: нет, это я могу». И виноваты были эти ребята, которые не имели ничего, кроме способности видеть в себе талантливые роли.

Прошлое десятилетие театр просуществовало за спиной синий лидера — Мария Анатольевна Захарова. Благодаря этому в театральной жизни мы так и выглядим — прокрепостью. Но разумеется, время не проходит и мимо нас. Внутри существуют сомнения, и очень большие. Одни говорят, что нужен психологический театр, другие — что нужно возвращаться к хорошей литературе, пренебрегая всеми остальными аспектами. Одни говорят, что нужно возвращаться к эпохе, другим — что нужно возвращаться к настоящему времени, и т.д. А сейчас мы стоим на грани, и это очень опасно.

Одним из свойств актерской и режиссерской профессии является то, что все хорошие.

Даже вершины, — это было вчера.

Ведь для каждого театра, как и для каждого актера, существует реальная опасность остаться в моде своего времени...

Я — за сомнение, потому что это постоянное движение вперед. Но я против разрушения, когда призывают «сносить все старое» и на его обломках немедленно строить «новое искусство».

Ведь давно выяснило, что разрушать легко, в то время..

Нужно дорожить тем, что есть, что уже построено. Только свое.

Беседу зала

Н. ШЕВЧЕНКО.

«не так». Однако проходило время, и самые спорные предположения художника каким-то не-постиками для многих образом воспринимались.

История, от которой художник считает, что когда его решение вызывает споры и неприятие, это нормально. И, наоборот, если его декорация нравится всем (как это было, например, с интерьера в «Геде Габлер» на сцене Театра имени Марка Шагала), значит, он попал, на свою беду, в стереотип артистического восприятия.

Придя в театр из архитектуры, Бархин целился спектаклей и оформляет как архитектор, который герой пьесы как бы заказал построить дом, квартиру и т.д. Вместе с тем он любит затеять увлекательную театральную игру с архитектурой, превращая ее в элемент сугубо декорационный и обрамляющий актеров.

Игровая стихия очень близка художнику, его выдумка здесь поистине несравненная. И это особенно ярко проявилось в его работах первых половины 70-х годов. С другой стороны, мотивы игры, театра чрезвычайно интересно оказались в его архитектурных проектах 80-х годов, которые он создает (вместе с группой молодых коллег) для международных конкурсов.

Строгая архитектурность сценического мышления и любви к ярко театральным формам — это сочетание кажется неординарным. Для Бархина же оно легко естественно. Всего того, оно существует еще с одной стороны его театрального творчества — с тем, что может быть определено словом «иллюстрация». Этим словом обычно пользуются для портфолио художников («иллюстрат

МОСКВА – МЮНХЕН: ТЕАТРАЛЬНЫЙ МОСТ

Слушая зрительный зал

На плакатах перед входом в огромный культурный центр «Гастроль», на буклетах, афишах и программах, на всем, что так или иначе было связано с информацией о Днях московских театров в Мюнхене, — для слова на фоне красного полотнища: «Glasnost» и «Perestroika». И это не только день уважения проходящим в Советском Союзе революционным переменам, это также фестиваль советского театрального искусства в крупнейших городах ФРГ. Именно в соответствии с содержанием этих двух слов, понятных в мире без перевода, открылся фирмой «Хан Продукции» с помощью Союза театральных деятелей ССР спектакль для показа в Мюнхене, и, если судить по реакции зала, прессе и критике, то в основных частях они отразили ту общественную атмосферу, в которой живет сегодня наша страна.

«Диктатура совести» М. Шатрова в постановке М. Захарова на сцене раскрайтельного Райдзен-театра. Олег Яновский с персонажем спускается в зал и обращается к зрителям:

— Вы верите в то, что происходит в России?

— Хотят бы верить, — отвечает один.

— Верю! — не задумываясь, говорит другой.

— Как вы относитесь к Сталину?

— Сталин не был хорошим политиком, но он сделал то, что вы имеете сегодня. — Словно в крикес, топоте, систе...

Поначалу показалось, что зал, стоя шумно откликаясь на разворачивающийся на сцене острый политический диспут, воспринимает в основном лишь наиболее яркие моменты, что называется, лежащие на поверхности сегодняшней общественной ситуации: разлики. Но самое деле зрители сумели проникнуть в суть поставленной драматургом. Театр имени Ленинского комсомола проблемы, и не случайно, думается, в антракте, в возникающих то здесь, то там оживленных дискуссиях в немецкой речи время от времени слышались знакомые русские имена: Ленин, Громыко, аплодисментами продизлили зрители Т. Пельцер, с большой внутренней силой пронитившие в финале строки воспоминаний Н. К. Крупской о Ленине.

Махтавцы рассказывали, как определяли австрийские критики основную мысль их спектакля: «Так победили», — показанный несколько лет назад в Вене: «Сталин, уходит, Ленин остается». «Диктатура совести» в Мюнхене настравила на такое же умозаключение.

Когда сидишь в темно-золотом зале Райдзен-театра, по-иному воспринимашь хорошо

знакомый спектакль. Рядом с естественным волнением за «свой» театр возникает острое ощущение значительности происходящего — на сцене, и в зале, его связи с тем, что совершается сегодня в твоей стране. Возникает чувство гордости за советский театр, который, по справедливому наблюдению одного западногерманского режиссера, является в СССР важнейшим общественным институтом, в многое спектакли становятся событиями для публики.

Для Мюнхена, будничственно-политическим событием оказалась все десять московских постановок, начиная с «Гоголя» А. Буровского и В. Фокина и кончая булгаковским «Собачьими сердцами» режиссера Г. Яновской. Едва ли не сensationально вышли работы наших студий под руководством Олега Торбакова и Людмилы Рошковой, само существование которых было для мюнхенцев открытием. Играющиеся, как и махтавские «Багончики» и «Дорогие мои, хорошие...» в Мюнхене зале «Гастроль», почтят аплодисментами критиков, спектакли поразили неслыханной для западногерманского театра искренностью, глубиной и естественностью исполнения. В финале «Багончиков» плакала не только публика, но и немцы — рабочие ссыны, в прессе называли игру Е. Васильевой — у них нет привычки к столь громким эпитетам — генеральный, Е. Гармашов из табакерской студии сравнивал с Джульеттой Мазиной и, вспоминая ее в роли Жанны из «Жаворонка» Ани, прибавлял: «Спасибо искусству Станиславского».

Писатель и режиссер Г. Хайденрейх, открывая дискуссию, признался, какое большое впечатление произвел на него спектакль «До-

рогие мои, хорошие...» с Б. Щербаковым в роли Есенина. Сообщали об особом шарме О. Ефремова в «Невидимом со всеми», о полной актерской отдаче в каждом спектакле и об умении русских создавать ансамбли. Газета «Абенцентуг» писала: «Каждый образ полон жизни...». Актер верит в то, что делает. Он полон горения, которое проявляется в тонах и жестах... Настоящий театральный праздник».

Слово «сегодня можно говорить о полноценном успехе», — сообщила мюнхенская «Артус».

«Билеты на все спектакли были распроданы накануне», — сказал устроитель фестиваля Иохен Хан.

Глава фирмы «Хан Продукцион» хоть и молод, но обладает завидной энергией, деловитостью, целеустремленностью. Создается впечатление, что он все делает сам, разве что ему помогают его очаровательная жена Дагмар. Где бы ни происходили различные встречи, скандалы, дискуссии, приемы, не говоря уже о спектаклях, — засуду можно было увидеть Иохена. Далеко не всегда всплывавшие диктатуры деловой необходимости, видимо, ему просто были приятны встречи с нашими актерами и режиссерами. «Скажи же не преувеличиваешь», — поделился он с нами, — этот фестиваль доставил мне самую большую радость!

Судя по всему, мюнхенцы так щедро одаривали московские театры аплодисментами и знаками внимания не из-за одного лишь традиционного интереса к гастролерам, особенно по таким трумальным поездкам за границу порою создаются превратное представление о своих талантах и своем месте в современном искусстве. И нужна сила воли, чтобы не поддаваться эйфории.

А для этого надо, видимо, почтить вспоминать о том, что успех выпал на долю спектаклей, хотя и действительно достойных, но для нас уже ставших вчерашними, а то и позавчерашними днями. И если от заграничного праздника вернуться к текущему театральному сезону, ничего столь же актуального и значительного в нем обнаружить не удается. И, радуясь итогам этого яркого ретроспективного показа наших белых театральных достижений в Мюнхене, стоит задуматься о том, что уже настало время разрывать и продолжить их на собственной почве. Иначе хочется верить и то, что и нашими драматургами и режиссерами «больше ничего не приходит в голову».

Глава фирмы «Хан Продукцион» — это и есть тот человек, которому пришла мысль организовать Дни московских театров в столице Баварии. На нашем фото он с женой Дагмар.

Говорят мало, одет куда как демократично. Время расчитано по секундам. Мы могли в этом убедиться, когда договаривались об интервью. Явились без двух минут позднее, — поделился он — в двенадцать ровно. Мне удавалось описать пятидесяти минут. На четырнадцатой он посмотрел на часы.

— Итак, Иохен, Московские театральные дни подводят к финишу, как вы их расцениваете сегодня?

— Это было, конечно, уникальный проект не без доли риска. Но если вчера в зале Нидерландинг — старинной резиденции баварского правительства — впервые прозвучал «Интернационал», и как мы сами слышали, под бурные аплодисменты присутствующих, то как можно оценить то, что произошло? Успех!

— Когда пришла мысль организовать фестиваль?

— Весной 1986 года. Я заболел идеей представить нашему зрителю некий новый комплекс, который я называю «Культура больших городов». Лондон, Нью-Йорк... Москва была белым пятном на нашей театральной карте, а она была моей мечтой. Мне говорили: «Уточни, невыполнимо! Однако у меня страсть к «невыполнимым идеям».

— С чего вы начали практика?

— Михаил ШАТРОВ, руководитель советской делегации, секретарь правления СТД СССР

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Йохен ХАН

Уникальный проект

— У нас в Мюнхене было для советского кино, и когда я высказал вашим коллегам мою театральную идею, то советский режиссер Александр Митта посоветовал мне обратиться во вновь созданный Союз театральных деятелей СССР...

В мае — июле 1987 года я был у вас, смотрел спектакли, примерял, прикладывал...

— Сколько же спектаклей вы просмотрели?

— Тридцать.

— Вам что-то рекомендовало?

— Мне предоставили список действий.

— Какими же прицелами вы руководствовались при отборе спектаклей?

— Мы пригласили десять спектаклей. Мы хотели, чтобы они представляли во возможности всю палитру вашего театра. От остроуп疵тических спектаклей, пропагандистских духом перестройки, таких как «перестройка» или «Чинизанс», в центре которых не очень подготовленные и взрослые люди. Кроме того, мы хотели показать спектакли профессиональных больших театров и театров малых.

— У вас не возникло разочарования теперь, когда Московские дни кончатся?

— Наоборот! Вы сами видите, какой дарит общественный климат вокруг ваших театров.

— Считаете ли вы, что театральные дни Дня Москвы имеют политический характер?

— Конечно. Они явно способствуют новому развитию диалога между нашими странами. Вообще культура быстро и теплее реагирует на внешнюю политику, быстрее очеловечивает ее...

— Правительство земли Баварии содействовало вам?

— Да, в большой степени. Магистрат Мюнхена сыграл очень важную роль в организации Московских дней.

— Ну что ж, нам остаетсяожидать такого же успеха Мюнхенских дней в Москве.

— Весной я приеду и приду к вам для продолжения переговоров об этом. Мы начали их здесь и уже о многом предварительно условились...

— Итак,

— Московские театральные дни подводят к финишу, как вы их расцениваете сегодня?

— Это было, конечно, уникальный проект не без доли риска. Но если вчера в зале Нидерландинг — старинной резиденции баварского правительства — впервые прозвучал «Интернационал», и как мы сами слышали, под бурные аплодисменты присутствующих, то как можно оценить то, что произошло? Успех!

— Когда пришла мысль организовать фестиваль?

— Весной 1986 года. Я заболел идеей представить нашему зрителю некий новый комплекс, который я называю «Культура больших городов». Лондон, Нью-Йорк... Москва была белым пятном на нашей театральной карте, а она была моей мечтой. Мне говорили: «Уточни, невыполнимо! Однако у меня страсть к «невыполнимым идеям».

— Правительство земли Баварии содействовало вам?

— Да, в большой степени. Магистрат Мюнхена сыграл очень важную роль в организации Московских дней.

— Ну что ж, нам остаетсяожидать такого же успеха Мюнхенских дней в Москве.

— Весной, в апреле или мае, я приеду и вам для продолжения переговоров об этом. Мы начали их здесь и уже о многом предварительно условились...

Михаил ШАТРОВ, руководитель советской делегации, секретарь правления СТД СССР

Говорят спектакли

— «Диктатуру совести» — спектакль, за который Театр имени Ленинского комсомола и режиссер М. Захаров были удостоены Государственной премии СССР. То есть мы показали тот этап театра вполне перестройки, когда основным театрализмом языком был язык публицистики. Однако этим мы не ограничились.

— Были представлены и другие спектакли.

— «Любовь» А. Чехова, «Советская культура» — спектакль, поставленный в Театре имени А. Чехова.

Художественный и идеологический эффект Дней московских театров превзошел наши ожидания. И зрителя, и представители театрализма мира Мюнхена неоднократно говорили о том, что фестиваль укрепляет доверие к политической Москве.

— Наши западногерманские партнеры просмотрели 30 спектаклей и выбрали из них 10. Мы не оказывали на них влияния, лишь оговорили некоторые детали.

— В выступлениях на симпозиумах, в беседах с нашими представителями различными слоями западногерманского общества неоднократно говорили о том, что фестиваль укрепляет доверие к политической Москве.

— Это, — сказал Михаил Александрович, — мы бы могли увидеть такого же успеха в нашей стране.

— С чего вы начали практику?

— Михаил ШАТРОВ, руководитель советской делегации, секретарь правления СТД СССР

беседы гастроли практически на любых уровнях.

СТД СССР не устраивает такой подход.

Тем более что интерес к советскому театру, благодаря новому мышлению в международных делах резко возрос.

Участники переговоров с советской стороны должны были восстановить до-столичность советского театра как делового партнера в глазах иностранных коллег.

Переговоры продолжаются весной нынешнего года в Москве.

А. СВОБОДИН.

беседы гастроли практически на любых уровнях.

СТД СССР не устраивает такой подход.

Тем более что интерес к советскому театру, благодаря новому мышлению в международных делах резко возрос.

Участники переговоров с советской стороны должны были восстановить до-столичность советского театра как делового партнера в глазах иностранных коллег.

Переговоры продолжаются весной нынешнего года в Москве.

А. СВОБОДИН.

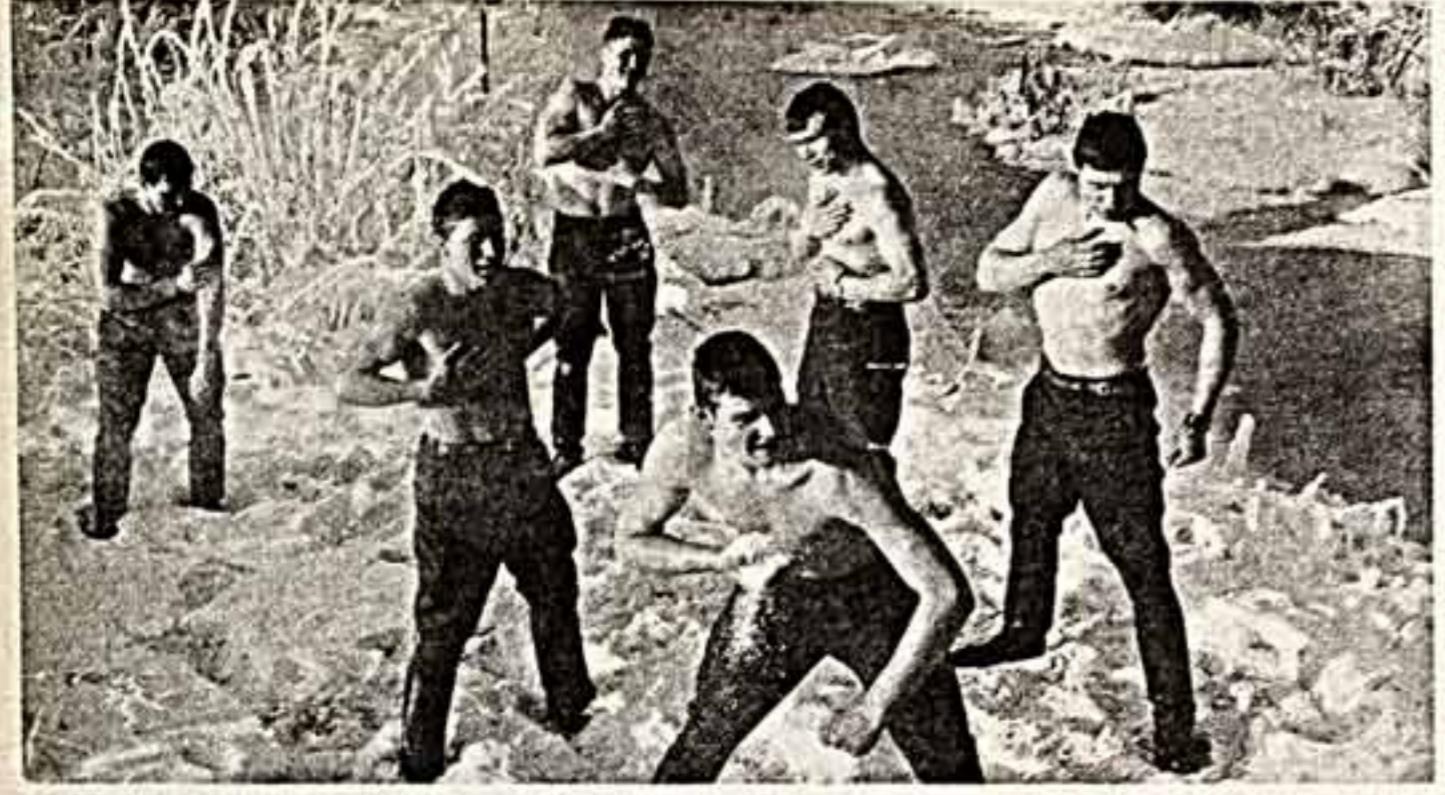
В подготовке материалов этой страницы принимали участие Л. Сидорова и Н. Калмыкова, сотрудники института СТД СССР.

Афиша фестиваля

«ГОВОРЯ...» А. Буровского, режиссер В. Фомин, актеры М. Ермолов, Н. Ермолова; «БАГОЧИКИ» Н. Павловой, режиссер В. Глинка; МХАТ имени М. Горького: «ЭМПИРАНТЫ» С. Морозова, режиссер М. Монева. Театр-студия «ЧЕЛОВЕК» М. Ермолова, режиссер В. Смирнов; Театр-студия «ЧЕЛОВЕК» Р. Козака; Театр-студия «ЧЕЛОВЕК» О. Табакова; Театр-студия под руководством О. Табакова; «НАДЕЖДЫ СО ВСЕМИ» А. Гальмана, режиссер О. Табакова; «ГАСТРОЛИ СО ВСЕМИ» А. Гальмана, режиссер О. Табакова; «ДИКТАТУРУ СОВЕСТИ» М. Ульянова, режиссер О. Табакова; «СОВЕСТИ» М. Ульянова, режиссер О. Табакова; «СОВАЧАЧЕ СЕРДЦЕ» М. Булгакова (пьеса А. Чеховского), режиссер Г. Яновская. Театр юного зрителя.

Ответный визит

Милош Форман: «А люди смеялись»

Почти одновременно в нашей стране увидели свет полнометражные признания во всем мире роман американского писателя Кена Кизи «Под кукушками виноград» («Новый мир», 1987, № 7—10) и поставленный по нему фильм Милоша Формана «Полет над виноградом кукушкам». Надеемся, что пребывающему пока на выставке Милоша Формана, бывшему французскому журналисту Мишеле Симон (из книги «Постор для Голливуда») предстоит интерес для наших читателей и зрителей. (Публикуется с небольшими сокращениями).

— Почему вы сделали центральным персонажем фильма здорового человека — Макмерфи?

— Кен Кизи — блестательный писатель, и находит его слово «смеяться». Но смеются ли не только смеяться? К тому же роман — это история, рассказанная индийцем, это его мысли, его образы, его видение, и не забываете, что он страдает шизофренией. В романе это возможно, перед нами — поток сознания, внутренний монолог, но кино — искусство, основанное на зрительных образах. Я знал, что повествование от лица индейца воспринималось в США как определенный акт мужества со стороны автора, поэтому я решил непременно сохранить этот персонаж и показать его среди других больных.

Но я почувствовал, что фильм выигрывает, если будет объективным. Я терпеть не могу комментарии за кадром, обаятельные кадры, глянцевые, бредовые видения, все эти тавильнические приемы. Однажды, анализируя книгу, я понял, что это история не одного индейца, а взаимоотношений Макмерфи, индейца и медсестры.

И если рассматривать ее с некоторой дистанцией, то можно придать ей еще большую силу. Каждый персонаж, представляющий какую-то социальную группу, даже если речь идет о таком микрокосмосе, как больница, становится участником более существенного конфликта.

— С какими наиболее сложными проблемами вы столкнулись при написании сценария?

— Самым трудным было добиться психологической достоверности каждой детали, каждого слова и движения. Постижение мышления Кена Кизи освобождало его от следований однодневки.

— Естественно, во время съемок мы иногда забывали о ней. Необходимо было со всей достоверностью передать чуть ли не физические характеристики книги.

— Больше всего в фильме всплывает «зимбюте» границ между нормой и вогонением от нормы. Мы все времяходимся в тревожном смятении.

— Когда я жил в больнице, у меня было точно такое же смятение. Дело в том, что и в самом деле большая часть пациентов — абсолютно нормальные люди, не считая кратковременного отклонения, которое дает о себе знать не каждую минуту, а, может быть, всего лишь раз в год.

— Все исполнители — профессионалы!

— Нет, вовсе нет. Когда Макмерфи и Ческин ведут на шоковую терапию, статисты, находящиеся в коридоре, — это настоящие больные. Индейцы также не играли до этого ни в театре, ни в кино. Он участвовал в родах, но после травмы занялся рисованием. Врач — это директор больницы. Капитан катера — тоже не профессионал.

— Ее голос, готовый отва-

тить на любой вопрос, напоминает автомат. Может быть, для вас — это голос биороботики?

— Когда я впервые пришел в больницу, мы долго проговорили с ее директором, который должен был играть доктора Слейн. Больница у него превосходная, что не мешало ему любить роман Кизи, и это был редкий случай, так как до этого стояло мое предложение обратиться в другую больницу с просьбой предоставить мне для съемок, как они тут же выставляли кинematографистам за дверь. Первый же вопрос, который я задал директору, относился как раз к мастерству: существует ли в действительности такие мастерства, как в романе? Он ответил, что по крайней мере хоть одна такая мастерства есть в каждой больнице. Он представил мне одну из своих сестер, сказав: «Вот наша мисс Ретчед». В фильме избегает общих планов, а финские доминируют, ощущение единомышленников.

— В фильме много крупных и средних планов, в которых персонажи словно бы изолируются от остальных, однако при этом не теряется из виду и окружающее пространство. И хотя на протяжении фильма мы избегаем общих планов, в фильме доминирует ощущение единомышленников.

— Как всегда, еще до начала съемок я обдумывал стиль фильма. Но как только начались пробные съемки, я тут же понял, что превалировать должна простота, что все должно происходить на лицах. Чем скучнее история, тем проще ее нужно снимать. Очень часто по усложненной технике придается опасение, что фильм получится скучным. Отдельные крупные планы отражают психологическую реальность больницы. Все эти люди ужасающие единицы, хотя и проводят все время вместе.

— Были ли вы всегда верны своему сценарию?

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В самом конце фильма, когда индейец убегает на австралийскую природу, вы показываете крупным планом Тейбера [Кристофер Ллойд]. Так было по сценарию?

— Нет. Я знал, что финиш будет очень скользким, знал, что индейец поднимет умыльники, швырнет их в окно и убежит. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи было проще, он в силу своей профессии привычен к бесконечным разговорам. Но для такого дисциплинированного актера, как Джек, который помнит свою роль изнутри, начинать съемку без всякой подготовки, не зная, что он сейчас скажет, — серьезное испытание.

— Ваши представления о его персонаже совпадали?

— К счастью, проговорил для меня Николсон, и мы убедились, что воспринимаем его одинаково.

— Естественно, во время съемок мы иногда расходимся во мнениях. И мы договорились снимать некоторые сцены дважды, один раз по моему указанию, второй — по его.

— Это было очень интересно, чтобы поднимать умыльники, швырять их в окно и убежать. Знаю, что будет звучать музыка. Но к этому все будут готовы, как только индейцы поднимут умыльники. Нужно было придумать что-то такое, что не разочаровало бы зрителя и заставило его принять сюжет.

— В фильме только два импровизированные сцены: два разговора с врачом, которые были отняты в три приема. Сцена, во время которой Николсон склонился к столу, доказывает, что он — гениальный актер! До этого я не признавал импровизации в кино. Профессионалу слишком сложно однажды хорошо играть в импровизированных и заранее отговариваемых сценах. Однако Николсону это удалось. Врачи